

A man with dark hair, wearing a brown leather jacket and a large olive-green backpack, stands on a rocky path. He is looking down at a small town nestled in a valley below, with its lights glowing against the dark night. The town is surrounded by steep, forested mountains. The sky is dark with some light clouds. The overall mood is serene and adventurous.

Андрей Ратиборо

Отпуск в Монтенегро

Андрей Ратиборо

Отпуск в Монтенегро

<https://litres.ru/74576154>

SelfPub; 2026

Аннотация

В горах над Острогом воздух пахнет старой кровью, а камень помнит всё — и щедро отдаёт накопленное тем, кто рискнёт остаться на ночь. Русский странник, неся в рюкзаке шкатулку с письмами и горстью могильной земли, ищет место, где можно похоронить свой покой. Но гора не умеет прощать — она умеет только забирать лишнее.

В Старом городе Будвы, под удушливым зноем и шёпотом тысяч комаров, человек вдруг понимает, что «отсюда не уеду» — Черногория пожирает его изнутри, слой за слоем, пока от личности не останется пустая оболочка.

И наконец — проклятая банкнота в десять евро, которую не берут ни старухи, ни банкиры, ни полиция. Потому что на ней кровь. И море всегда возвращает её обратно — тому, кто до последнего верит только в свой разум.

Три истории о стране, где древние святыни соседствуют с грязью и мафией, а граница между живыми и мёртвыми истончается до лезвия ножа. Психологический хоррор с мистическим привкусом Балкан: сюда едут за покоем, но уезжают — если успеют — другими людьми.

Андрей Ратиборо

Отпуск в Монтенегро

Острог

Горный воздух здесь не пахнет свежестью. В нем чувствуется застарелая кровь, камень, впитавший чужой страх, и сладковатый привкус тлена, который тщетно пытаются заглушить ладаном.

Я стою на тропе, ведущей к Острогу. Мой рюкзак тяжел, но не так, как камень, осевший где-то в глубине совести.

Я русский — и в этом нет ничего особенного, кроме того факта, что мои предки, возможно, когда-то смотрели туда же, куда смотрю сейчас я: вверх, в серое, бесконечно далекое и равнодушное небо.

Монастырь замер на склоне горы, словно незаживающая рана. Его стены стары — до ужаса стары. Они видели не только паломников, они видели войну и смерть, которая приходила сюда не гостьей, а полноправной хозяйкой. Камень помнит все. Я чувствую это кожей, касаясь пальцами холодных блоков. Здесь пахнет не просто историей, а тем, что остается, когда история заканчивается. Сюда стекаются тысячи людей: туристы с тяжелыми камерами, монахи в черных рясах, глубокие старики с тростями и молодые пары, ищущие любви, которая, как они надеются, станет вечной. Но вечность — лишь ложь, которую мы сочиняем, чтобы не сойти с ума. Я

вглядываюсь в их лица. Зло не всегда принимает облик рога-того демона. Иногда оно тихо сидит на лавке в часовне, крестится правой рукой и улыбается тебе, пока его глаза остаются пустыми, как две ямы в промерзшей земле. Я видел таких людей. Они боятся не того, что снаружи, а того, что зревает у них внутри. Они приходят поклониться святому, но на самом деле хотят лишь спросить: «Почему я?». И когда ответа нет, зло внутри них сжимается, как пружина. Мощи Василия Острожского под стеклом выглядят безмятежно. Его лицо кажется слишком мирным для человека, который, по преданиям, прозревал будущее. Он знал, что будет дальше. Знал, что после его смерти придут другие — те, кто прикроет его именем свои преступления, и те, кто будет истово молиться, пока их руки заняты совсем не святым ремеслом. Гора молчит, но чутко слушает. Я чувствую, как за спиной кто-то стоит, но не оборачиваюсь. Я знаю, кто это, или догадываюсь, кем это существо могло бы быть. Здесь, в горах Черногории, где дороги узки, а тени длинные, граница между живыми и мертвыми истончается до лезвия ножа. Ветер усиливается, срывает капюшон и бьет холодом по лицу. Внизу, в долине, едва заметно мелькают огни — там продолжается привычная жизнь: люди едят, пьют, любят и убивают. А здесь, на высоте, время застыло и течет вязко, как смола. Я делаю шаг к воротам обители. И в этот момент понимаю главное: я приехал сюда не за покоем. Мой покой давно мертв. Я просто ищу место, где его можно похоронить —

или, если повезет, вернуть к жизни. Но эти горы не прощают ошибок, и монастырь, перенесший столько смертей, вряд ли сделает для меня исключение. Я кладу ладонь на массивную дверь. Дерево под рукой сухое и твердое. Внутри него что-то стучит — тихо, ритмично. Тук. Тук. Тук. Как чужое сердце. Или как чья-то нога, которая не может остановиться. Я открываю дверь. Внутри пахло старым воском, немытыми телами паломников и тем вековым холодом, который бывает только в пещерах.

Острог не был построен на горе — он был вгрызен в нее, выдолблен в самом сердце чернильного гранита. Проход внутрь оказался узким, потолок давил на плечи. Низкие своды чернели от копоти миллионов свечей, сгоревших здесь за столетия. Люди вокруг двигались медленно, шепотом передавая друг другу тонкие восковые стрелы. Их лица в неровном желтом свете казались вырезанными из дерева — полумаски, застывшие в ожидании чуда. Я прошел мимо первой маленькой церкви, вырубленной в скале. Навстречу, прижимаясь к стене, просачивались те, кто уже побывал у мощей. У одной женщины текли слезы, но лицо оставалось абсолютно неподвижным. Она шла вслепую, едва не задев меня плечом. А затем я увидел его. Он стоял у ниши, где горел массивный подсвечник. Тот самый человек. На нем был простой серый пиджак, неуместный в святом месте, и чистая рубашка. Он не молился. Он просто смотрел на пламя, и в его глазах отражался огонь, но сами зрачки оставались неподвиж-

ными, мертвыми. Почувствовав мой взгляд, мужчина медленно повернул голову. На его губах змеилась вежливая, пустая улыбка. — Прва ноћ је најтежа, — негромко произнес он. «Первая ночь — самая трудная». Его голос прозвучал удивительно отчетливо, несмотря на гул толпы и треск воска. Он знал, что я остаюсь. Откуда? Настоящие паломники бронируют места в гостинице внизу, но мой тяжелый рюкзак выдавал намерение провести ночь здесь, у скал. Я не ответил и прошел мимо, чувствуя, как лопатки обжигает его ледяной взгляд. Поток людей вынес меня на открытую террасу, зажатую между двух скальных стен. Небо над головой окончательно потемнело, превратившись в чернильную пропасть. Огни в долине теперь казались далеким созвездием, до которого невозможно дотянуться. Хлопнула тяжелая дубовая дверь — служащие закрыли ворота нижнего яруса. Доступ для случайных людей был отрезан.

В Остроге наступала ночь. Время, когда живые затихают, а камень начинает отдавать то, что накопил. Я устроился на узкой каменной лавке в углу террасы, поджав ноги и положив рюкзак на колени. Мысли невольно вернулись назад, к утренней дороге. Мы выехали сюда из Будвы — шумного, ленивого приморского городка, где пахло соленым ветром и жареной рыбой. Старый рейсовый автобус, набитый паломниками и туристами, казалось, вез нас в другое измерение. Стоило свернуть с побережья вглубь материка, как цивилизация отступила, уступив место серому камню. Дорога превратилась

лась в нескончаемый, безумный серпантин, петляющий по отвесным кручам. Каждые несколько минут огромную, неповоротливую машину швыряло из стороны в сторону, а за узким стеклом окна разворачивалось зрелище, от которого перехватывало дыхание — эпичное и красивое до ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.